

имуществам было связано с рядом колебаний в древней римской юриспруденции (Gell., NA, 20, 10, 9 и Cic., Pro Murena, 12, 26). Колебания юриспруденции и натяжки в форме сакраментума и манципации показывают, что они первоначально не применялись к недвижимым вещам. А это может быть объяснено лишь тем, что недвижимые имущества в то время, когда были созданы манципация и сакраментум, были еще родовой или семейной собственностью, были неотчуждаемыми и не защищались в порядке сакраментума.

Невозможно также дать логическое объяснение институту *in iure cessio hereditatis*, если не иметь в виду тот путь, который прошло развитие римской собственности. *In iure cessio hereditatis* давало возможность лицу, получающему наследство и еще не принявшему его, уступить это наследство другому (Gai., II, 34, 35; III, 85—87; Ulp., Reg., 19, 11—15). Этим путем законодательство приходило к странному результату: оно узаконяло передачу другим лицам такого права, которого передающее лицо не имело. Этот институт, однако, может быть логично объяснен, если мы будем понимать его как возможность передачи наследства ближайшим агнатом роду. Род, который не без борьбы сдал свои позиции, сумел навязать признание такой возможности, которая обеспечивала ему получение безвозмездно или за известные уступки того имущества, которое некогда ему принадлежало, и которое согласно двенадцати таблицам, должен был унаследовать ближайший агнат.

Нельзя также до конца понять институт *testamentum callatis commitiis*, если рассматривать его исключительно как институт частной собственности. Участие комиций в оформлении такого завещания объясняется тем, что можно было лишить «фамилию» или род того, что им принадлежало только с согласия собрания родов, каким было *commitia curiata*. Что это собрание первоначально действительно должно было давать согласие на назначение наследника — по этому вопросу, по моему мнению, нельзя серьезно спорить. Самый институт был бы совершенно бессмысленным, если бы участие родов было простой формальностью.

Но особенно ярко проявляются черты римской семейной собственности в древней римской сособственности — *ercto non cito*. После открытия новых текстов Гая (Gai., 3, 154a) самые существенные черты этой сособственности могут считаться установленными. Наиболее существенным является полное отрицание частной собственности. В этом случае отдельный собственник при отсутствии *veto* располагает всей вещью, а не только своей частью. Такое предписание при режиме частной собственности немыслимо, но при наличии семейной собственности оно является вполне естественным. Вещь или имущество принадлежат всему семейству. После того как под влиянием режима, установленного для частной собственности, было допущено отчуждение этого имущества, оно могло передаваться только как неделимое целое. Взаимное доверие, существующее между членами семьи, объясняет, почему каждый из собственников может отчуждать вещь. А обстоятельство, что сама эта вещь является собственностью всего семейства, объясняет право *veto*. Таким образом, *ercto non cito* является, в сущности семейной собственностью, видоизмененной под влиянием частной собственности.

Проф. М. Андреев (Болгария)

ЕЩЕ РАЗ О ТЕРМИНЕ *МЕРЕТ*

В ВДИ, 1954, № 2, стр. 19 слл., напечатана статья И. С. Кацнельсона «О значении древнеегипетского термина *мерет*», продолжающая обсуждение положения этой категории производителей материальных благ¹. К сожалению, данная статья не вне-

¹ ВДИ, 1951, № 2, стр. 40—46; 1951, № 4, стр. 73—82 и 1952, № 2, стр. 122—126.

ла ничего нового в изучаемую проблему, так как автор привлек либо те источники, которые уже были использованы в предшествующих статьях, либо те, которые упомянуты в «Ссылках» к «Словарю древнеегипетского языка» под словом *мерет*, опубликованных еще в 1939 г. и, следовательно, хорошо известных каждому специалисту. Исключение составляют две ссылки на надписи времени XVIII дин., позаимствованные из работ А. Гардинера о древнеегипетских словариках¹. И. С. Кацнельсон при этом нисколько не задумывается над закономерностью привлечения источников Нового царства для установления значения того же слова, но применявшегося примерно на тысячу лет раньше. А ведь за время, протекавшее между Древним и Новым царствами, древнеегипетский язык развивался: во многом изменился его грамматический строй, перестал употребляться ряд слов, и появилось много новых, некоторые же слова, хотя и сохранились, но приобрели иные значения. Привлекать поэтому данные времени Нового царства для выяснения значения слова в Древнем, да к тому же в таком случае, как с термином *мерет*, который, как хорошо известно, начиная с XVIII дин. смешивается с иным термином, сходно, повидимому, звучавшим, но совершенно другого написания и значения,—можно только, доказав, что, несмотря на временную разницу, слово сохранило прежний смысл. Этого И. С. Кацнельсон не делает. К тому же и те несколько примеров употребления слова *мерет* в Новом царстве, которые использует И. С. Кацнельсон, весьма случайны; они поэтому не дают возможности установить положение этой категории непосредственных производителей материальных благ даже во времена Нового царства.

Однако хотя статья И. С. Кацнельсона ничего не вносит в изучение положения *мерет*, она содержит весьма резкую, и на мой взгляд, вовсе несправедливую критику моих работ, на которую я все же считаю себя обязанным ответить.

Особенно резкую оценку вызывают у И. С. Кацнельсона мои переводы грамот защиты Древнего царства и, в частности, второй грамоты защиты в пользу поселения «Мин дает процветать владению Неферкара», дарованной фараоном Пепи II, перевод которой он считает не только крайне ненадежным, но и затемняющим смысл (стр. 23). Такое заявление, кстати сказать, совершенно не доказанное его автором, казалось бы, может делать только человек, давший себе труд прочесть не только перевод надписи, но и оригинал. Однако И. С. Кацнельсон, видимо, счел это делать излишним. Ведь в противном случае он не смог бы не заметить, что эта грамота и есть тот третий декрет Пепи II из Коптоса, на который, как он указывает несколькими строками выше, обратил его внимание акад. В. В. Струве. Ведь в самом деле получается как-то странно: И. С. Кацнельсон утверждает, что перевод плох, но при этом он не только не видит того, что в тексте идет речь т о л ь к о о *мерет*, но и не замечает того, что документ, который я, исходя из его содержания, называю вторым указом Пепи II относительно поселения «Мин дает процветать владению Неферкара», Зете именует третьим указом Пепи II из Коптоса. Вместе с тем, если бы И. С. Кацнельсон потрудился взглянуть в оригинал, он легко убедился бы в том, что опорачивать мой перевод этого текста, исходя из того, что он переведен по изданию Морэ, нельзя, так как он как раз переведен по изданию Зете². Приходится, повидимому, признать, что И. С. Кацнельсон не познакомился с изданием данного текста. Вместо того, чтобы сличить этот перевод с его изданием, И. С. Кацнельсон «установил», что при его переводе я следовал восстановлением Морэ иным, более удобным для себя способом—путем сличения с изданием Зете д р у г о й надписи, а именно указа Пепи II об учреждении поселения «Мин дает процветать владению Неферкара». При переводе этой надписи, как это и оговорено в моей работе³, я следовал восстановлением Морэ, хотя мне известен уничтожающий, но,

¹ A. Gardiner, *Ancient Egyptian Onomastica*, т. II, L., 1947, стр. 209*.

² Единственное отступление от издания Зете состоит в том, что в 3-й строке перед словами: «сосчитанные для двора» восстановлено «...[собирает налоги]».

³ ТОВЭ, т. I (1939), стр. 106, прим. 2.

как мне кажется, несправедливый отзыв Зете о восстановлении этой надписи, предложенных крупнейшим французским ученым¹.

Затем И. С. Кацнельсон возражает против моего перевода понятия *пер-шена* как «земледельческое управление», исходя из того, что «вопрос о значении термина *šn^c* может считаться уже давно окончательно решенным» (стр. 20). Для подтверждения этого он цитирует несколько строк из «Словаря древнеегипетского языка» Эрмана — Грапова. При этом И. С. Кацнельсон не замечает того, что, споря против моего, по его мнению, произвольного перевода *пер-шена*, он цитирует перевод, даваемый Словарем слову *шена*, а не *пер-шн*: понятие *пер-шена* Словарь оставляет без перевода (см. т. IV, стр. 508, 21—25). И. С. Кацнельсон для опровержения моего перевода привлекает себе на помощь А. Гардинера, указывая, что этот авторитетнейший филолог переводит понятие *шена* как «эргастерий, житница». Однако И. С. Кацнельсон умалчивает о том, что этот перевод понятия *шена* А. Гардинер сопровождает такими оговорками, равных которым, пожалуй, трудно найти во всей его книге, разбирающей несколько сот слов. Гардинер пишет: «*šn^c* 1) „эргастерий“, 2) „житница“, Словарь древнеегипетского яз., т. IV, 507, 12 слл., где первое и второе значения были, повидимому, тщательно изучены, но не могут быть проверены из-за отсутствия ссылок»². Таким образом, ссылка на перевод этого слова Гардинером является по существу ссылкой на тот же, уже цитированный автором «Словарь древнеегипетского языка». Ввиду невозможности проверить перевод понятия *шена*, даваемый Словарем, А. Гардинер дает обзор высказывавшихся по поводу этого термина мнений. В этой связи он касается и понятия *пер-шена*, указывая при этом, что перевод этого термина как «эргастерий» был впервые предложен К. Зете в 1912 г. на основании надписей XVIII династии. Следовательно, заметим мы, Зете давал свой перевод понятия *пер-шена*, встречающегося, как мы это знаем теперь на основании Словаря, только в надписях Древнего и Среднего царств, исходя из того значения, которое он придал слову *шена* в надписях XVIII дин.³ Обоснованность такого перевода, понятно, невелика, и понятно, почему словарь его не принимает.

Значение понятия *пер-шена*, следовательно, вовсе не так ясно, как это пытается изобразить И. С. Кацнельсон, подменивший при этом понятие *пер-шена* понятием *шена*. Оправданием этому должно, повидимому, служить высказываемое им на стр. 22 утверждение: «Позже, при Новом царстве, *pr-šn^c* называлось просто *šn^c*...». Однако это утверждение никак не доказывается и не может быть доказано. Что этот термин, действительно, вовсе не так ясен, доказывает не только то, что сам И. С. Кацнельсон, забыв свои упреки по моему адресу, говорит о нем как о ведомстве работных домов (стр. 22), но и тот факт, что в *пер-шена* имеются разные учреждения. Так, надпись над изображением закромов в гробнице Ти времени V дин. гласит: «закром, который нахо-

¹ Надо признать, что в моем переводе этой надписи (ТОВЭ, т. I, стр. 106—107) в 7-й строке действительно выпали квадратные скобки, которыми отмечаются восстановления. Правда, на стр. 121 той же статьи, где повторен перевод именно этих строк надписи, квадратные скобки частично имеются, но все же в указанном месте они действительно отсутствуют. Что же касается отсутствия во втором указе, относящемся к поселению «Мин дает процветать владению Неферкара», слов «...чтобы поместить их к работам всяким дома царя», то то обстоятельство, что они являются восстановлениями, четко оговорено в моем переводе. Восстановлены же они Зете (см. его Urk., I, стр. 291, стк. 14), а не Морэ, как намекает И. С. Кацнельсон, заявляя: «Естественно, что основные аргументы И. М. Лурье, построенные на „невозможном“ чтении А. Морэ, рушатся при рассмотрении подлинного текста» (стр. 24). Нужно ли говорить, что вообще мои выводы основаны не на восстановлении, а на подлинном тексте?

² A. Gardiner, Ancient Egyptian Onomastica, Text, т. II (1947), стр. 209*—210*.

³ Замечу, кстати, что слово *шена* в приводимых Зете примерах времени XVIII дин. может быть переведено и как «житница».

дится в *пер-шена*¹. Среди титулов Пехернефера, вельможи времени Снефру, царя начала IV дин., указанных в его гробнице в Саккара, значатся: «начальник пивоваров *пер-шена* Верхнего Египта; начальник пивоваров *пер-шена* Нижнего Египта»²; этот факт говорит не только о том, что *пер-шена* каждой из частей Египта были подчинены одному лицу, но показывает, что сами *пер-шена* представляли собой сложные хозяйственные организмы, имевшие различные службы. Заслуживает, наконец, внимания и тот факт, что первоначальный пероглиф для слова *шена*, который обозначал, видимо, инструмент (или сооружение) для сгибания палки, уже в надписях Древнего царства был заменен изображением плуга; это подсказывает мысль о назначении этого учреждения. Все это говорит о том, что мой перевод «земледельческое управление», к тому же снабженный оговоркой: «Так, в достаточной мере условно, я перевожу термин *šn*^c»³, которую И. С. Кацнельсон, по своему обыкновению, «не заметил», вовсе не невозможен.

И. С. Кацнельсон возражает и против моих замечаний относительно Абидосских грамот защиты, содержащих запрещение привлекать к каким-либо работам и повинностям как жрецов, так и *мерет*. Он, прежде всего, ставит под сомнение мой перевод глагола *ḫt*, которым выражено запрещение загружать жрецов и *мерет* какими-либо повинностями, не вытекающими из их обязанностей по отношению к храму. Этот глагол я перевожу «привлекать», в обоснование чего я сослался на «Словарь древнеегипетского языка». Оспаривая правомерность моего перевода, И. С. Кацнельсон цитирует переводы, даваемые этому слову Словарем. К сожалению, то замечание Словаря, которое прямо относится к абзацу Абидосской грамоты, приведенному в моей статье, И. С. Кацнельсон почему-то заменил выражением «и т. д.». Поэтому привести его приходится мне. Разобрав ряд значений глагола *ḫt*, Словарь продолжает: «mit r: jem. nehmen (führen) an einem Ort». «Приводить кого-либо» я считаю себя в праве переводить «привлекать», так как при таком переводе насильственный характер действия выступает ярче, чем если просто перевести «привести». И. С. Кацнельсон не дает своего перевода этого места, избегая тем самым необходимости сказать, как он сам переводит этот глагол. Вместо этого он пускается в рассуждение о том, что я якобы не обратил внимания на различие положения жрецов и *мерет* в Абидосской грамоте. Это рассуждение он заканчивает выводом, что «... обязанности, к которым их (т. е. *мерет* и жрецов.—И. Л.) могли привлекать, скорее всего были различны, хотя и обозначались одним словом» (стр. 23). Но для такого вывода текст не дает абсолютно никаких оснований, ибо в нем, в совершенно одинаковых выражениях, запрещается привлекать как жрецов, так и *мерет* «к деятельности и работе всякой нома» (Urk., I, 170, 15 и 171,9).

Что же касается заявления, что я не делаю различия между положением жрецов и *мерет*, то основанием для него послужили следующие строки моей статьи: «Отсюда следует, что данные грамот защиты о запрещении „захватывать“ (лучше „привлекать“) *мерет* храма не могут служить аргументом в пользу рабского положения *мерет*, так как положение о запрещении „захватывать“ („привлекать“) в равной мере применяется и к жрецам, относительно которых не может быть сомнения, что они —не рабы». Любому добросовестному критику не пришла бы в голову мысль на основании сказанного обвинять меня в том, что я не вижу разницы между жрецами и *мерет*.

Дальше И. С. Кацнельсон возмущается тем, что я ничем не доказываю зависимое положение земледельцев (*мерет*). Однако И. С. Кацнельсон «забывает», что таким мне представлялось положение *мерет* тогда, когда я ошибочно считал общественные отношения древнего Египта феодальными. Было бы поэтому по меньшей мере странным ожидать, чтобы я т е п е р ь стал доказывать такое положение. В этой связи И. С. Кацнельсон касается вопроса о том, кто претендовал на труд *мерет*, заявляя, что такими претендентами были только *пер-шена*. Одновременно он высказывает сомнение в том,

¹ G. Steindorff, Das Grab des Ti, 1913, табл. LXXXIV.

² Приведены в статье Н. Junker, Phnfr., ÄZ, 75 (1939), стр. 68.

³ ВДИ, 1951, № 4, стр. 75, прим. 4.

что с *мерет* могли взиматься разнообразные налоги и повинности. Сомневаться И. С. Кацнельсон может сколько ему угодно, но текст говорит все же совершенно определенно: «Не позволяет мое величество поднимать *мерет* [подчиненных этому земледельческому управлению] ко всем приношениям (pr), повинностям (§šm) и ра[ботам]...

Не позволяет мое величество выполнять им повинности (§šr) сверх существующих... и жертв... приношений месячных... для дома Мина Коптосского в Коптосском номе на протяжении веков» (Urk., I, 289, 14—290, 4).

Этот текст, как справедливо указал И. С. Кацнельсону акад. В. В. Струве, действительно упоминает одних только *мерет* и только им одним дарует иммунитет. Именно к *мерет* относится местоимение 3-го лица мн. числа «их». Если бы иммунитет даровался *пер-шена*, тогда этот институт и был бы назван в качестве того, кто надеялся иммунитетом, а местоимение стояло бы в этом случае в единственном числе, ибо, насколько я знаю, в каждом данном поместье не могло быть больше, чем одно *пер-шена*. Разнообразие же податей и повинностей, упоминаемое этой грамотой и столь смущающее И. С. Кацнельсона, вполне понятно, так как грамота должна была предусмотреть л ю б у ю возможную подать и повинность, которую могли потребовать с *мерет* данных районов Египта. Но это, конечно, не означает, что все названные подати и повинности взимались с каждого *мерет*, не защищенного иммунитетом. И, разумеется, цель иммунитетной грамоты состояла отнюдь не в том, чтобы почему-то благодетельствовать *мерет*, живших на храмовых землях, а в том, чтобы обеспечить храму поступление всех доходов, причитавшихся ему от *мерет*.

Чувствуя, повидимому, шаткость своих позиций, И. С. Кацнельсон пытается укрепить их заявлением: «Наконец, то, что *мерет* были рабами, отнюдь не могло мешать им владеть некоторым имуществом. В условиях раннего рабовладельческого общества рабов нередко сажали на землю. Как известно, раб Одиссея свинопас Эвмей построил для себя „просторный“ дом и получил от хозяина во владение поле» (стр. 24). Разумеется, историческая действительность знает различные ф о р м ы рабской зависимости, однако марксизм-ленинизм вооружил нас знаниями, необходимыми для того, чтобы выявлять с у т ь общественных явлений, под какой бы оболочкой они ни скрывались. Маркс учит: «Та специфическая экономическая форма, в которой неоплаченный прибавочный труд выкачивается из непосредственных производителей, определяет отношение господства и порабощения, каким оно вырастает непосредственно из самого производства...»¹. Исходя из таких именно положений, Маркс дал классическое определение того, что такое раб. Он пишет: «Данная форма (имеется в виду феодальная. — И. Л.) тем и отличается от рабского или плантаторского хозяйства, что раб работает при помощи чужих условий производства и не самостоятельно»². Мы не располагаем прямыми данными, говорящими о том, кому принадлежали условия земледельческого производства *мерет*, но зато мы имеем достаточное количество фактов, говорящих о том, что эта категория производителей, во всяком случае в Древнем царстве, обладала хозяйственной самостоятельностью. Исходя из второго указа Пепи II относительно поселенных иммунитетом, могли быть взысканы «подати», «подарки начальнику Верхнего Египта», «золото и бронза», «жертвы двойному дому жизни», «корзины продуктов года», «пища»; с них мог быть потребован фураж и т. д., их могли привлечь к выполнению различных повинностей разные управления («управления дома царских документов», «управление дома припечатанных актов» и т. д.), их поименно перечисляли в разного рода распоряжениях о производстве общественных работ в данном номе. Вполне понятно, что рабы не обладают подобной самостоятельностью и не располагают возможностью выплачивать какие бы то ни было налоги: *мерет*, следовательно, нельзя считать рабами.

¹ К. М а р к с, Капитал, т. III, ч. II; К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с, Соч., т. XIX, ч. II, стр. 353.

² Там же, стр. 352.

Отнюдь не рабами выглядят *мерет* и в надписи Хуенуха¹, которую я приводил в своей статье (ВДИ, 1951, № 4, стр. 77). В этой надписи они названы на таких же правах, что и дети или братья покойного («приношение даров его детьми, его братьями, его правителями (поселений), его *мерет* дома вечности...»). Снять свидетельство этой надписи рассуждениями о том, что в Риме рабы участвовали в обслуживании култаров своих владельцев, нельзя, ибо механически переносить положение, существовавшее в Риме, на Египет, конечно, невозможно, а то, что мы знаем об участии рабов в совершении заупокойного культа в древнем Египте, совершенно определено говорит о том, что в нем принимали участие только те рабы, которые в полном смысле этого слова входили в состав семьи (дети, рожденные наложницами и не являвшиеся, видимо, уже рабами, вольноотпущенники, за которых выдавали замуж дочерей главы семьи, и т. п.). Понятно, что *мерет*, которые, по мнению моего оппонента, содержались в эргастериях, к категории домашних рабов не подходят. Поэтому у нас нет никаких оснований считать, что *мерет* в надписи Хуенуха, приносят дары в качестве членов семьи покойного: они, следовательно, приносят то добро, которым сами распоряжаются, — это оплата пользования землей, принадлежащей покойному.

Не согласен И. С. Кацнельсон и с моим толкованием термина *mgw* (стр. 26). Однако вместо того, чтобы опровергнуть то положение грамматики, на основании которого я доказываю правильность своего понимания этого слова, или показать неприменимость этого правила в данном случае, И. С. Кацнельсон приписывает мне отождествление окончания *w* окончанию *t* и затем с успехом опровергает это целиком им надуманное и приписанное мне отождествление.

Что же касается дальнейших рассуждений о том, что «...*w* далеко не всегда служит признаком множественного числа» и т. д., то эти элементарные сведения мне хорошо известны. Однако напоминать их в данном случае совершенно не к чему, ибо здесь мы имеем дело именно с множественным числом: на это указывает трехкратное повторение детерминатива. Догадка же о том, что в этом слове *w* является признаком причастного происхождения, нуждается в более солидном доказательстве, чем заявление: «... Независимо от того, какой глагол лег в основу термина *mgw*, е с л и (подчеркнуто мной. — И. Л.) он происходит от глагола...».

Из всего сказанного вытекает, что статья И. С. Кацнельсона ничего не опровергает из того, что доказано в моей статье относительно *мерет*.

И. Лурье

¹ И. С. Кацнельсон прав в чтении этого имени.